

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Руцинская И.И. Досуг немецких учёных в России второй половины XVIII века: пространства адаптации // Философия и культура. 2025. № 8. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.8.75656 EDN: OPKATP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75656

Досуг немецких учёных в России второй половины XVIII века: пространства адаптации**Руцинская Ирина Ильинична**

ORCID: 0000-0002-4033-8212

доктор культурологии

профессор, кафедра региональных исследований, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ)

119191, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13

✉ irinaru2110@gmail.com[Статья из рубрики "Диалог культур"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.8.75656

EDN:

OPKATP

Дата направления статьи в редакцию:

21-08-2025

Дата публикации:

28-08-2025

Аннотация: Настоящее исследование посвящено изучению досуговых практик немецких учёных, работавших в Российской империи во второй половине XVIII века. Приглашенные для работы в Санкт-Петербургской Академии наук, они принесли с собой не только виды и формы научной деятельности, но и специфический стиль жизни, ритуалы «ученого досуга». На основе анализа писем и мемуаров известных немецких ученых (таких как Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, А.Л. Шлецер, Я. Штелин), а также документов их современников реконструированы основные формы досуга и выделены пространства их адаптации (приватное и публичное, социальное и символическое). Особое внимание уделено интеллектуальному досугу, включавшему прежде не распространенные в России практики. Коллекционирование, переписка, собирание

библиотек становились формой трансляции просветительских ценностей и культурных габитусов. Методологический подход объединяет культурологическую реконструкцию практик, историко-источниковедческий анализ повседневности, а также философское осмысление досуга как символического пространства, структурирующего социальные идентичности. Научная новизна работы заключается в переосмыслении роли досуга как активного медиатора межкультурного взаимодействия и важнейшего фактора профессиональной самоидентификации научного сообщества. Новая, институализированная в Российской империи только в XVIII веке, профессия ученого предполагала формирование специфических моделей поведения и способов самопрезентации не только в стенах Академии, но и в иных социокультурных пространствах. Через различные приватные и публичные формы досуга происходила интенсивная трансляция не только актуальных научных знаний, но и фундаментальных норм академической этики, просветительских ценностей и моделей социального поведения интеллектуальной элиты. При этом данные практики не просто переносились, но трансформировались, отражая специфику российского социального и институционального контекста (менялся круг общения и структура досуговых пространств, заимствовались российские формы досуга, усваивались нормы придворного этикета и система патронажных связей, характерных для имперской среды).

Ключевые слова:

досуговые практики, адаптация, Россия XVIII века, приватный досуг, публичный досуг, библиотека, кабинет, Академия наук, коллекционирование, эпистолярные практики

В философской традиции досуг рассматривается как важная антропологическая и аксиологическая категория. Уже в античную эпоху ему отводился статус высшей цели индивидуального и общественного существования. Показательна афористичная формула Аристотеля: «Мы делаем войны для того, чтобы жить в мире, и трудимся ради того, чтобы иметь досуг» [\[3, с. 393\]](#). При этом для античных философов досуг не был тождественен праздности или бездеятельности. В нем прежде всего видели условие самореализации личности.

В дальнейшем тема досуга рассматривалась с самых разных сторон: изучался его демонстрационный характер [\[8\]](#), его трансформации в обществе потребления [\[2, 27\]](#). В досуге видели социальную практику, структурированную базовыми институтами [\[28\]](#), форму рекреации [\[20\]](#), способ защиты от редукции личности к роли «функционера» [\[30\]](#), механизм сохранения и трансляции культурных образцов и ценностей [\[29\]](#). При всем разнообразии тем, аспектов и методов, можно говорить об общности философского подхода: досуг понимается не как количественная мера «свободного времени» (что нередко предполагается в исследованиях экономического и социального плана), а как качественное измерение человеческого существования, в котором выявляются ценностно-смысловые коды культуры.

В данном теоретическом ракурсе представляется продуктивным изучение досуга в переломные исторические эпохи, когда формируются новые ценности и нормы, трансформируются социальные роли и практики повседневности. Для России такой эпохой стал XVIII век — время масштабных социокультурных преобразований, инициированных реформами Петра I. В этот период создавались новые регламенты

повседневности, формировались неизвестные ранее конфигурации досуговых практик.

Несмотря на растущий исследовательский интерес к истории досуга, этот феномен применительно к XVIII веку остается недостаточно изученным. Существующие лакуны требуют применения междисциплинарных подходов, сочетающих философское понимание категории досуга, социокультурный анализ практик и историко-источниковедческую реконструкцию повседневности.

При этом необходимо учитывать, что в сословном обществе XVIII века не существовало понятия «досуг вообще». Жесткие сословные и профессиональные границы предписывали не только количество свободного времени, но и допустимые формы его проведения. В отечественной историографии наиболее изученным оказался досуг дворянского сословия, претерпевший наиболее заметные трансформации. Однако в стране существовали и иные социальные группы, имевшие, доступ к «самоизбранной деятельности» [\[11\]](#). И это не только чиновники, представители администрации или духовенства, но и представители новой для России профессии – ученые.

В допетровскую эпоху данной профессии в стране не существовало, ее институализация связана с последними годами правления Петра Великого, с основанием в 1724 году Петербургской Академии наук. Как указывает А.Б. Каменский, «Благодаря петровским преобразованиям, в России в XVIII в. впервые формируется наука как самостоятельная сфера профессиональной деятельности... При этом изначально развитие науки в России имело определенные социокультурные особенности. Отсутствие в православной культуре традиции естественно-научного знания на начальном этапе формирования науки выдвигало задачу фактически «импортировать» из Европы уже имеющиеся научные и технические достижения, сложившиеся научные институции и формы научной деятельности» [\[10, с. 64\]](#). Добавим, что импортировались не только институции и формы деятельности, но и сами ученые, и присущий им образ жизни, включая досуговые практики.

Историография, посвящённая иностранным учёным в Российской империи XVIII столетия, достаточно полна и разнообразна [\[16, 18, 22, 24, 25, 26\]](#). Однако исследователи ориентируются в основном на изучение институциональных биографий, научных достижений, академических диспутов.

Вопросы о том, как складывался внеинституциональный режим жизни ученых, каким образом они социализировались за стенами Академии, какие виды неформального общения выбирали, оказываются практически не артикулированными.

Цель данной статьи – описать новые формы и пространства досуговых практик, характерные для формирующегося в стране профессионального сообщества; проследить, как перенесённые из Европы нормы встраивались в российскую действительность, соглашаясь с национальными ценностями и традициями; показать немецких учёных как агентов культурного трансфера и адаптации европейских моделей досуга.

Выбор немецких ученых в качестве объекта изучения обусловлен их численным доминированием в составе Петербургской академии наук. Согласно существующей статистике, за период от основания Академии в 1725 г. до 1741 г. в ней было 50 академиков, около 40 из них немцы. «Ситуация мало изменилась и к концу XVIII столетия: в 1799 г. из 111 членов Академии 76 были иностранцы, из них 68 немцы» [\[1, с. 130\]](#). Первые четыре президента Академии также были немцами по национальности.

Анализ мемуаров и переписки представителей ученого сообщества второй половины XVIII столетия показывает, что в структуре досуга немецких академиков существовало два взаимодополняющих измерения — публичное и приватное. Сохранилось много свидетельств о приглашении ученых на обеды, приемы, на балы, на важные дворцовые мероприятия.

Подобные визиты были не только способом укрепить отношения с потенциальными покровителями, пролоббировать свои интересы, но и формой межкультурного взаимодействия: учёные знакомились с российскими традициями, встраивались в локальные практики общения. Например, известный историк А.Л. Шлецер, выполнивший какое-то время функцию наставника детей графа К.Г. Разумовского, вспоминал о своих способах непосредственного погружения в культурный контекст: "Я присоединился к православным и решил выдержать все русские посты. Не могу сказать, чтобы это было для меня лишением" [\[7, с. 2\]](#).

Приглашения в русские дома, позволяли немецким ученым активно осваивать новые досуговые практики: баня, чай с самоваром, катание с ледяных горок, прогулки по морозу. Они описывали их особенно детально, выражая степень своего удивления, фиксируя эмоции и ощущения, чаще всего положительно, а порой и восторженно окрашенные. Например, посещение русской бани, в принципе воспринималось как чрезвычайно необычное занятие, требующее подробного описания. Но завершалось это описание сентенцией: «После этого чувствуешь себя, как новорожденный, телом и духом» [\[19, с. 165\]](#).

Степень погруженности в российскую действительность, как правило, зависела от количества прожитых в России лет. Сказывалось и овладение русским языком, и расширение круга знакомств. А.Л. Шлецер указывал: «В русских домах у меня мало было знакомства, потому что очень немногие (исключая так называемых вельмож) говорили по-немецки или по-французски, а я еще не мог сносно говорить по-русски; не смотря на то, я посещал некоторые из них по приглашению» [\[19, с. 169\]](#). На первых порах ученыe искали общения среди соотечественников, причем далеко не только среди своих коллег: «Остальные мои знакомства были между немецкими купцами и другими гражданами. В некоторых домах я был приглашен вообще к обеду, следовательно, мог без доклада являться к столу, или же приходил к чаю и к ужину, которые были столько же приятны, как и поучительны» [\[19, с. 172\]](#). Шлецер описывал, что представляли собой подобные визиты: «Обыкновенно собирались люди самых различных классов: ремесленники, профессоры, офицеры, купцы, маклера и статские советники. В обхождении с ними не было заметно никакого различия... В те времена не играли, но разговаривали; самое большое, что в обществе из 20 человек был один стол для карт или для шахмат» [\[19, с. 172\]](#).

Естественно, немецкие ученыe не теряли связи с протестантской общиной, с пастором, которые были чрезвычайно активны в своем стремлении сплотить соотечественников [\[24\]](#). Однако в мемуарных описаниях учёных встречи с пастором предстают не только как выражение религиозной практики, но и как форма интеллектуального и культурного общения: «я часто посещал его [пастора – И.Р.] и даже обедал у него несколько раз, потому что немецкие пасторы могли держать открытый стол, что было не возможно ни одному профессору. Мы одалживали друг друга книгами; от меня он получал рукописи» [\[19, 178\]](#). Известный историк Миллер на протяжении 10 лет (с 1751 по 1761 год) вел активную переписку с пастором А.Ф. Бюшингом после его отъезда Петербурга в Берлин

[\[4, 12\]](#).

Как видим, круг общения учёных внутри немецкой диаспоры отличался демократичным характером. Подобных дружеских и неформальных встреч при описании русского общества значительно меньше. Чаще всего авторы рассказывали о светских мероприятиях, посещение которых, очевидно, было предметом гордости, наглядным подтверждением социального статуса. Причем нередко членов Академии приглашали на мероприятия, проходившие в присутствии императрицы. Так И. Бернулли вспоминал о посещении французской комедии: «Она дается по вторникам и пятницам, на иждивении царского двора, на придворном театре в Зимнем дворце» [\[9, с.7\]](#). Ученый расписывал, какое место занимает в зрительном зале государыня, а затем замечал: «Хотелось иметь получше место, ибо ложи Академии в третьем ярусе и слишком близко к сцене» [\[9, с. 7-8\]](#). Несмотря на ворчание ученого, сам факт показателен: в придворном театре за Академией закреплены собственные места, что указывает на реальную пространственную близость учёных (по большей части занимавших административные посты в Академии) к императрице и её ближайшему окружению. Да, социальный статус учёных не был привязан к «Табели о рангах», что делало их людьми без чина (и нередко становилось основанием для жалоб и прошений). Но при этом общение с академиками считалось престижным, его не чуждались представители образованной части российского дворянства.

Члены Академии, в особенности представители администрации, не просто усваивали правила подобного общения, но и быстро обучались использовать близость к элите для получения массы преференций. Об этих практиках с возмущением писал М.В. Ломоносов: «Ходя по дворцу и в знатные дома, выхваляя и подсовывая взамен самой науки её призрак, раздаривая гравюры, каменные печатки, изящно переплетённые книги, термометры и барометры, солнечные часы и прочие произведения чужого труда и дарования, изготовленные на академические средства, и выдавая себя за учёных, они не упустили ни одного случая использовать в своих выгодах и свою власть и то обстоятельство, что профессоры, отдаваясь научным занятиям, чуждаются светских толков» [\[21, с. 120-121\]](#).

Таким образом, общественные связи немецких учёных в России XVIII века отличались значительной широтой и многоуровневостью: они отнюдь не ограничивались национальными или академическими кругами. Напротив, мы наблюдаем выраженную межсословную и межнациональную включённость — от протестантско-бюргерской среды до придворного общества.

Именно публичные формы досуга в наибольшей степени способствовали интеграции немецких учёных в российское общество. При этом важно подчеркнуть, что они не выступали инициаторами или прямыми агентами трансфера этих практик. Многие из досуговых форм — светские приёмы, посещение театра, балов, карнавалов — проникали в столицу как часть общего процесса европеизации. Учёный становился одним из многих приглашенных участников. Однако от него как от иностранца ожидали особого знания и беспроблемного исполнения предписанных ролей. По большей части иностранные учёные эти ожидания оправдывали. Подобная компетентность позволяла им использовать участие в публичных досуговых практиках для налаживания необходимых связей и демонстрации своей принадлежности к просвещённому сообществу.

Иная ситуация складывалась в пространстве приватного досуга, разворачивавшегося в пределах собственного дома. Важно отметить, что подавляющее большинство немецких

ученых вступали в брак с соотечественницами. Межнациональные союзы были крайне редкими. Так, И.Д. Шумахер был женат на дочери придворного повара Петра I — Иоганна Фельтена; П.С. Паллас трижды вступал в брак, и все три его супруги были немками; жена Я.Штелина, Елизавета Рейхмут, происходила из семьи лютеранского пастора; супруга Г.Ф. Миллера также была немкой, вдовой немецкого хирурга, с которой он встретился во время своей сибирской экспедиции. Эти примеры позволяют говорить о формировании внутри дома специфически «немецкого» культурного пространства, организованного по привычным моделям, что можно трактовать как стремление сохранить культурную, языковую и конфессиональную однородность в пределах частной сферы. Однако его не следует понимать как изоляционизм. Речь скорее идёт о поиске устойчивости, уюта, эмоциональной стабильности и культурной идентичности.

Частный досуг немецких ученых отчетливо демонстрировал новые для России формы времяпрепровождения. К ним прежде всего относится собирание библиотек. Библиотека нужна ученому для работы, но она отражает круг его личных интересов. Так, домашняя библиотека Корфа являлась одним из наиболее обширных книжных собраний того времени — около 35000 томов. В 1764 г. Екатерина II приобрела ее для цесаревича Павла Петровича за 50 тысяч рублей. Профессор Миллер в конце жизни, предлагая императрице приобрести свою библиотеку (что она в итоге сделала, заплатив 20 тысяч), писал: «Я имею право сказать, что моя библиотека для России единственная в своем роде что она обнимает все, что я мог набрать в течение 54 лет, что она заслуживает сохранения для потомства. Я истратил много денег на ее приобретение, получая большое жалование с 1733 года, я жил очень скромно, так как все, что я мог сберечь, я употреблял на библиотеку» [\[12, с. 9\]](#).

Библиотека выступала не только пространством интимного, частного досуга, но и формой самопрезентации ученого. Именно в XVIII веке в России изменились способы хранения книг: на смену сундукам пришли книжные шкафы, позволяющие рассматривать их содержимое. Так, И.Бернулли писал в своих мемуарах о визите в дом профессора Миллера: «После обеда этот выдающийся ученый пригласил меня к себе, и я имел удовольствие провести несколько часов в его библиотеке, в которой собраны чуть не все сочинения о России, вышедшие на европейских языках... Его собрание государственных актов и рукописей неоценимо и хранится в величайшем порядке» [\[9, 13\]](#). Бернулли был далеко не единственным, кто желал ознакомиться с собранием книг и рукописей известного ученого. Вообще практика осмотра библиотек в это время стала своеобразной нормой для просвещенного путешественника [\[13\]](#).

Визуальный облик библиотеки, порядок на полках, каталоги, аккуратность переплётов — всё это выступало частью риторики просвещения, которую замечали и отмечали посетители. Библиотека становилась частью публичного образа учёного.

Еще одна форма досуга, которую принесли иностранцы в Россию, превращая ее в своеобразную норму для академической среды тех лет — это коллекционирование. У многих учёных были домашние кабинеты редкостей — приватные пространства, где хранились минералы, этнографические предметы, карты, инструменты. Такие кабинеты не только продолжали традицию «учёного кабинета», но и демонстрировали принадлежность их владельца к субкультуре ученых, его включённость в европейскую научную традицию. Например, дом Г.Ф. Миллера, по воспоминаниям современников, был наполнен документами, артефактами, привезёнными из экспедиций. Зная его увлечение, коллеги присыпали ему интересные объекты. Так, академик Паллас писал из экспедиции о посылке шестнадцати ящиков с минералами для Академии наук и одного — лично для

Миллера [\[17, с.149\]](#).

Сам Паллас также обладал большой коллекцией. Современники, посещавшие его дом, были восхищены коллекцией бабочек академика, украшавших стены его дома. [\[19\]](#).

Иностранные ученые выступали также агентами трансфера эпистолярных практик. По мнению исследователей, в Европе переписка уже к началу XVIII столетия «стала частью общей культуры, образования и воспитания» [\[6, с. 73\]](#); «XVIII в. — классический век дружбы, и ведение переписки (как способ завязывания и поддержания дружбы) превратилось в лучшее времяпрепровождение, истинную страсть и даже жизненную необходимость [\[6, с. 73\]](#). Малораспространенная до петровской эпохи, эпистолярная практика пережила в России в XVIII столетии настоящий расцвет.

Немецкие ученые переписывались с коллегами как в России, так и за рубежом, с покровителями, с родными, друзьями. В эти практики вовлекались сотни людей. Они становились значимой частью интеллектуального досуга. Масштабы переписки поражают. Например, архивы профессора Г. Ф. Миллера свидетельствуют о переписке с 300 корреспондентами, находящимися в России и за рубежом [\[12\]](#). Свыше 200 корреспондентов было у академика П.С. Палласа. Переписка могла длиться годами. Так, Я. Штелин обменивался письмами с профессором Саншесом, жившим в Париже, почти 40 лет.

Немецкая педантичность проявлялась в данных практиках особо отчетливо. Например, переписка Я. Штелина с сыном, включающая более 800 документов, описывается исследователями следующим образом: «Все письма датированы, имеют порядковые номера. Большинство документов — письма самого Штелина, они представлены черновиками, которые он сохранял в сшитых тетрадях, а также оригиналами, полученными от сына». Переписка была регулярной, еженедельной. Каждый понедельник по вечерам сын писал письма родителям. А отец отвечал ему с такой же низменной педантичностью» [\[23, с. 7\]](#).

Эпистолярные практики, наряду с практиками интенсивного чтения, выступали значимой частью интеллектуального досуга. Они требовали сосредоточенности, тишины, особого пространства. Именно XVIII век стал эпохой, когда начал цениться уединенный досуг. Это привело к изменению пространства дома: в нем появились индивидуальные, интимные помещения, прежде всего кабинет и будуар [\[14, 15\]](#).

Немецкий ученый, если позволяли условия, имел в своем распоряжении личный кабинет для труда и отдыха, часто совмещенный с библиотекой. Устройство дома становилось маркером статуса и принадлежности к учёной элите. Это подтверждают парадные портреты эпохи, на которых учёные нередко изображались на фоне кабинетов, книг и инструментов. Характерно, что аналогичный кабинет представлен на прижизненном портрете М.В. Ломоносова (Г. Преннер, 1755 г.), что можно рассматривать как наглядное свидетельство усвоения европейских стандартов.

Таким образом, анализ досуговых практик немецких учёных в России XVIII века позволяет рассматривать их как сложную систему пространств культурной адаптации, где происходило активное взаимодействие европейских традиций с нормами российской социокультурной действительности.

Публичное пространство досуга включало несколько сфер. С одной стороны, ученые поддерживали тесные связи с диаспорой и протестантской общиной, сохраняя

традиционные формы общения, религиозные практики и ценности, что способствовало укреплению их конфессиональной и культурной идентичности. С другой стороны, социальный круг их общения постепенно расширялся: от взаимодействия с коллегами и членами академической среды до установления связей с представителями российской аристократии. На светских приёмах, в театрах и на балах немецкие учёные не только демонстрировали свою принадлежность к европеизированной культуре, но и осваивали сложную систему норм и правил поведения, встроенных в патронажные отношения, что способствовало их сближению с местной элитой.

В приватном пространстве досуга (через организацию библиотек, коллекционирование и эпистолярные практики) сохранялись и творчески переосмыслились элементы немецкой бургерско-академической культуры, включая ценности учёного труда, привычные формы самообразования и стандарты интеллектуального общения. Эти культурные ресурсы обеспечивали устойчивость профессиональной и этнокультурной идентичности.

Таким образом, досуговые практики становились не только инструментом адаптации иностранных учёных к российской среде, но и важным каналом трансфера ценностей, норм и моделей поведения. Они способствовали двустороннему культурному обмену и играли значимую роль в процессе европеизации российской культуры XVIII века.

Библиография

1. Алексеева Е.В. Европейский вклад в становление и развитие российской науки (XVIII-XIX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 3. С. 127-136.
2. Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельности жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 416 с.
3. Аристотель. Политика / Пер. В. П. Карпова. – М.: Мысль, 1983. – С. 466.
4. Белковец Л.П. Россия в немецкоязычной исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1989. – 41 с.
5. Белякова Н.Ю. Уильям Кокс и его "Путешествия" (Екатерининская Россия в программе английского образовательного Grand Tour): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. – 25 с.
6. Бояркина А.В. Немецкое частное письмо: к истории жанра // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. Вып. 2. С. 67-74.
7. Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 2. – СПб., 1880. – С. 557.
8. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
9. Записки астронома Ивана Бернулли о поездке его в Россию в 1777 году // Русский архив. 1902. Кн. 1. Вып. 1. С. 5-30.
10. Каменский А.Б. Россия в XVIII веке. – М.: ACT: Астрель, 2006. – 190 с.
11. Карамзин Н.М. О досуге. Сочинение философа Гарве // Московский журнал. 1792. Ч. VI. С. 167-176.
12. Голицын Н.В. Портфели Г.Ф. Миллера. – М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. – 150 с.
13. Кокс У. Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии: пер. с фр. – М.: Тип. И. Смирнова, 1837. – 64 с.
14. Кулакова И.П. История интеллектуального быта и российская традиционная культура: Кабинет отца во впечатлениях детства (конец XVIII – начало XX в.) // Какорея: Из истории детства в России и других странах. Сб. статей и материалов. Серия Труды семинара "Культура детства: нормы, ценности, практики". – М. – Тверь: Научная книга, 2008. – Т. 1. – С. 141-155.
15. Кулакова И.П. Российское "просвещённое дворянство" в контексте идей Нового

- времени: специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII – первая треть XIX вв.) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 90-119.
16. Куприянов В.А. Основание и первые десятилетия деятельности Санкт-Петербургской академии наук в трудах российских и зарубежных историков науки. Часть 1 / В. А. Куприянов, Г. И. Смагина // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 3. С. 159-182. DOI: 10.19181/smtp.2021.3.3.8
17. Научное наследие П.С. Палласа. Письма, 1768–1771 гг. / Сост. В.И. Осипов. – СПб.: Тиалид, 1993. – 248 с.
18. Немцы в России. Три века научного сотрудничества. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 604 с.
19. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная / Пер. с нем. с примеч. и прил. В. Кеневича // Сборник Отд. русского языка и словесности Имп. АН. Т. 13. – СПб., 1875.
20. Орлов А.С. Социология рекреации. – М.: Наука, 1995. – 146 с.
21. Пекарский П.П. История Имп. Академии наук в Петербурге. – СПб., 1870. Т. 1. С. XXVIII.
22. Смагина Г.И. Российско-немецкие научные связи в XVIII-XIX вв. // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 208-224.
23. Смагина Г.И., Сомов В.А. Петербургская академия наук и Коллегия иностранных дел в семейной переписке Якоба фон Штелина // Социология наук и технологий. 2019. Т. 10. № 4. С. 7-24.
24. Старостин Б.А. Культурно-историческая миссия немецкой диаспоры в России XVIII-XIX веков // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. – СПб.: Росток, 2005. С. 15-55.
25. Турнаев В.И. Положение иностранных учёных в послепетровской России // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 289. С. 55-64.
26. Турнаев В.И. Русско-немецкие научные связи XVIII века: проблема объективных основ // Проблемы истории Кузбасса: материалы науч.-практ. конф. – Прокопьевск, 2002. С. 20-27.
27. Arendt H. The Human Condition. – Chicago: University of Chicago Press, 1958. – 332 р.
28. Becker G.S. A Theory of the Allocation of Time // The Economic Journal. 1965. Vol. 75. No. 299. Pp. 493-517.
29. Gross E. A Functional Approach to Leisure Analysis // Social Problems. 1961. Vol. 9. No. 1. Pp. 2-8.
30. Pieper J. Leisure: The Basis of Culture / Trans. A. Dru. – London: Faber & Faber, 1952. – 169 р.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Досуг немецких учёных в России второй половины XVIII века: пространства адаптации» представляет собой междисциплинарное исследование, в котором досуг трактуется как философско-культурологическая категория, помещенная в конкретный исторический контекст (вторая половина XVIII века, правление императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II). Еще одним социально-культурным критерием при рассмотрении досуговых практик является обращение к такой весьма специфической категории российской элиты того времени как немецкие ученые, работавшие в недавно

созданной Академии наук (Паллас, Миллер, Шлецер и др.). Автор справедливо указывает на большое количество исследований, посвященных конкретным персоналиям и их вкладу в развитие тех или иных российских академических дисциплин, однако досуговые практики немецких ученых (неинституциональный режим жизни в широком смысле слова, социализация вне пределов Академии, домашний быт и т.д.) остаются малоизученными вопросами. Одним из нарративов данного текста является межкультурное взаимодействие/диалог между Россией и Европой и рассмотрение немецких учёных как «агентов культурного трансфера», играющих важную роль в адаптации европейских моделей досуга (коллекционирование, формирование библиотек, эпистолярные практики) в послепетровской России. В широком контексте можно утверждать о рассмотрении в данном тексте одной из составляющих европеизации российской культуры (в том числе повседневной) на протяжении XVIII века. Источниковой базой исследования являются мемуарные тексты (Бернулли, Кокс, Шлецер), письма (Паллас) и т.д. Композиция работы выполнена вполне логично, автор начинает с разъяснения базового термина и его разнообразных трактовок, характеризует степень изученности темы и заявляет о новизне рассматриваемого в данной работе аспекта пребывания немецких ученых в России. Автор предметно, с опорой на источники, доказывает, что "в структуре досуга немецких академиков существовало два взаимодополняющих измерения — публичное и приватное", в публичном проявляется способность/желание немецких ученых адаптироваться к русским досуговым практикам, в приватном доминирует сохранение немецкой идентичности. Привнесенные из Европы досуговые практики (коллекционирование, библиотеки) тесно связаны с профессиональной деятельностью ученых, что соответствует античным трактовкам досуга как (досуг не был тождественен праздности или бездеятельности, в нем прежде всего видели условие самореализации личности). Рассматриваются конкретные примеры коллекций, библиотек, эпистолярной деятельности. Работа в целом выполнена на должном научно-методическом уровне, можно посетовать на отсутствие обзора/характеристик источников и методологии, но данный недочет, на наш взгляд, не является критичным. приводимые автором данные о количестве немецких ученых в России относятся к первой половине XVIII века, в то время как исследование посвящено второй; не имея полной общей картины немецкой ученой диаспоры мы так или иначе имеем дело не с досугом немецких ученых как явлением, а с несколькими конкретными случаями, хотя это обстоятельство отчасти объясняется и спецификой источниковской базы. В целом работа представляет безусловный интерес для читателя и рекомендуется к публикации.